

<https://doi.org/10.70728/b.series.v08.i04.168>

УТОПИЯ, ВЛАСТЬ И НАСИЛИЕ НАД ЖИЗНЬЮ В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Исмаилова Хурлиман Нажиматдиновна

*PhD, доцент кафедры русского языка и литературы Каракалпакского
государственного университета имени Бердаха, г. Нукус, Узбекистан*

e-mail: ms.khurliman@gmail.com

Номер телефона: +998900950306

Нурболова Асем Нурболовна

*Магистрант 2 курса направления: «Литературоведение: русская литература»
Каракалпакского государственного университета имени Бердаха, г. Нукус, Узбекистан*

e-mail: a.nurbolova27@gmail.com

Номер телефона: +998913770935

Аннотация: В статье анализируется феномен утопии в творчестве Андрея Платонова как особой формы власти и философского осмысления исторической реальности. Утопия рассматривается не как проект идеального будущего, а как способ мышления, формирующий восприятие времени, языка и человеческого существования. Показано, что власть в платоновском мире носит обезличенный характер и реализуется через идею, язык и представление об исторической необходимости, превращая насилие над жизнью в норму. Особое внимание уделяется анализу произведений «Котлован» и «Чевенгур», в которых утопическое сознание приводит к разрушению человеческой субъективности и оправданию страдания ради будущего.

Дальнейшее исследование раскрывает связь утопии с кризисом знания и языка: знание, утратившее связь с опытом, становится инструментом насилия, а язык — средством идеологического контроля, лишаящим человека способности к пониманию. Рассматривается трагедия рационального мышления, неспособного обеспечить этическое основание человеческого существования. В этом контексте проводится параллель с современным философским кинематографом (Андрей Тарковский, Алексей Герман, Александр Сокуров), где аналогичные проблемы выражаются через визуальные и звуковые средства.

Делается вывод о том, что платоновская критика утопического сознания сохраняет актуальность в условиях современной культуры, раскрывая разрушительное воздействие абстрактных идей на человека, язык и знание, и подчёркивая необходимость этического измерения понимания.

Ключевые слова: Андрей Платонов, утопия, власть, насилие, язык, знание, эпистемологический кризис, идеология, «Котлован», «Чевенгур», философский кинематограф, Андрей Тарковский, Алексей Герман, Александр Сокуров, непонимание, дискурс

Abstract: The article examines the phenomenon of utopia in Andrei Platonov's works as a specific form of power and a mode of philosophical reflection on historical reality. Utopia is interpreted not as a model of an ideal future but as a way of thinking that shapes perceptions of time, language, and human existence. The study demonstrates that power in Platonov's prose is impersonal and operates through ideas, language, and the notion of historical necessity, normalizing violence against life. Particular attention is given to *The Foundation Pit* and *Chevengur*, where utopian consciousness leads to the destruction of human subjectivity and justifies suffering in the name of the future.

The paper further explores the connection between utopia and the crisis of knowledge and language. Knowledge detached from lived experience becomes an instrument of domination, while language functions as a mechanism of ideological control, undermining genuine understanding. The tragedy of rational thought, incapable of providing an ethical foundation for human existence, is emphasized. In this context, parallels are drawn with modern philosophical cinema (Andrei Tarkovsky, Alexei German, Alexander Sokurov), where similar issues are articulated through visual and auditory means.

The article concludes that Platonov's critique of utopian consciousness remains highly relevant today, revealing the destructive impact of abstract ideas on human beings, language, and knowledge, and highlighting the necessity of an ethical dimension in understanding.

Keywords: Andrei Platonov, utopia, power, violence, language, knowledge, epistemological crisis, ideology, *The Foundation Pit*, *Chevengur*, philosophical cinema, Andrei Tarkovsky, Alexei German, Alexander Sokurov, misunderstanding, discourse

Феномен утопии в творчестве Андрея Платонова занимает центральное место и выступает не только как предмет художественного изображения, но и как способ философского анализа исторической реальности. Платонов рассматривает утопию не в традиционном смысле как модель идеального будущего, а как форму мышления, определяющую отношение человека к жизни, времени и самому себе. В этом контексте

утопия оказывается тесно связанной с властью, однако власть у Платонова не сводится к институциональному или репрессивному механизму. Она проникает в саму ткань человеческого существования, формируя способы мышления, речи и переживания.

Одной из принципиальных особенностей платоновского осмысления власти является её обезличенность. В мире Платонова практически отсутствуют фигуры явных властителей, диктаторов или конкретных субъектов управления. Власть здесь действует через идею, через историческую необходимость, через язык прогресса и общего блага. Человек подчиняется не приказу, а смыслу, который представляется ему объективным и неизбежным. Именно эта форма власти оказывается наиболее опасной, поскольку лишает человека возможности осмыслить собственное подчинение как насилие.

Утопия у Платонова всегда ориентирована на будущее, которое мыслится как абсолютная ценность. Настоящее при этом утрачивает самостоятельное значение и рассматривается лишь как этап, подлежащий преодолению. Жизнь человека в настоящем оказывается временной, неполноценной и подлежащей жертве. Такое отношение к времени формирует особую этику, в которой страдание, лишение и даже смерть оправдываются перспективой грядущего счастья. Насилие над жизнью становится не исключением, а нормой утопического существования.

В повести «Котлован» эта логика утопического насилия проявляется с особой наглядностью. Строительство будущего дома пролетариата становится символом исторического процесса, поглощающего конкретные человеческие судьбы. Труд здесь не направлен на удовлетворение жизненных потребностей, он существует ради самой идеи строительства. Рабочие истощают свои тела, утрачивают чувствительность и постепенно теряют способность осмыслять происходящее. Насилие над жизнью осуществляется без прямого принуждения - через добровольное подчинение логике исторической необходимости.

Важно подчеркнуть, что платоновские герои не воспринимают своё положение как трагическое. Напротив, они часто наделяют собственное страдание смыслом, видя в нём вклад в общее дело. Это свидетельствует о глубинной трансформации человеческого сознания, в котором жизнь перестаёт быть самоценной. Человек соглашается на собственное исчезновение, если оно соответствует утопической логике. В этом заключается одна из самых трагических интуиций Платонова: утопия уничтожает человека не вопреки его воле, а при его активном участии.

В романе «Чевенгур» утопическое насилие приобретает ещё более радикальную форму. Здесь власть реализуется через отказ от жизни как таковой. Герои сознательно отказываются от труда, быта, семьи и телесных потребностей, полагая, что тем самым

приближают наступление абсолютного коммунизма. Однако отказ от «буржуазной» жизни оборачивается утратой самой возможности человеческого существования. Люди становятся призраками, существующими в пространстве идеи, лишённом жизненной энергии [5; 145].

Особое внимание в платоновской прозе уделяется проблеме языка как инструмента власти. Идеологический язык утопии лишён нюансов, сомнений и эмоциональной глубины. Он оперирует обобщёнными категориями и абстрактными понятиями, которые подменяют собой живой опыт. Через язык утопия легитимирует насилие, превращая разрушение жизни в рационально обоснованный процесс. Человек, говорящий этим языком, утрачивает способность к критическому мышлению и внутреннему сопротивлению.

Платонов показывает, что власть утопии действует не через страх, а через смысл. Человек подчиняется, потому что верит в правильность происходящего. Именно эта вера делает насилие над жизнью почти незаметным. В этом аспекте платоновская проза оказывается удивительно созвучной современным теориям власти, рассматривающим её как форму управления через дискурс и норму, а не только через репрессию.

Современный кинематограф во многом наследует платоновскую интуицию утопии как формы скрытого насилия. В фильмах, посвящённых социальным экспериментам, идеологическим проектам и тотальным системам, власть редко представлена в виде явного принуждения. Чаще всего она проявляется как безличная структура, определяющая ритм жизни, нормы поведения и способы мышления. Человек подчиняется системе не потому, что его заставляют, а потому, что не видит альтернативы [2; 78].

Кинематографические образы замкнутых пространств, однотипных действий, обезличенных фигур и монотонного труда визуализируют платоновское понимание утопии. Камера фиксирует не момент репрессии, а постепенное истощение жизни, утрату индивидуальности и эмоциональной глубины. Насилие в кино, как и у Платонова, часто лишено зрелищности; оно проявляется в повседневной рутине, повторяемости и пустоте.

Особое значение в кино приобретает тема времени, которая напрямую соотносится с платоновской критикой утопии. Будущее в таких фильмах постоянно откладывается, оставаясь недостижимым горизонтом, тогда как настоящее превращается в бесконечный процесс ожидания. Эта временная структура воспроизводит утопическую логику, в которой жизнь человека оказывается «временно отложенной» [4; 102]. Кино, подобно платоновской прозе, показывает, что такое существование лишено полноты и смысла.

Следует отметить, что и у Платонова, и в современном кинематографе отсутствует простая модель сопротивления утопической власти. Герои редко восстают открыто; их сопротивление, если оно возникает, носит внутренний, почти невыразимый характер. Это может быть сомнение, тоска, молчание или ощущение утраты, не находящее словесного выражения. Именно эта форма «тихого сопротивления» придаёт платоновской философии особую глубину и трагизм.

Таким образом, утопия в прозе Андрея Платонова предстает как особая форма власти, осуществляющей насилие над жизнью через идею, язык и организацию времени и пространства. Современный кинематограф, развивая сходные художественные и философские интуиции, визуализирует платоновскую модель утопии, позволяя осмыслить её последствия в контексте современной культуры.

В результате расширенного анализа становится очевидным, что платоновская критика утопии не утратила своей актуальности. Напротив, в условиях современных идеологических и технократических проектов она приобретает новое звучание. Проза Андрея Платонова и философское кино образуют единое пространство рефлексии, в котором исследуется трагедия человека, принесённого в жертву идее будущего, лишённого права на полноту настоящего существования.

Таким образом, анализ утопии как формы власти и насилия над жизнью в прозе Андрея Платонова позволяет сделать вывод о том, что утопический проект разрушает не только социальные и антропологические основания человеческого существования, но и сами условия возможности знания и понимания. Подчинение жизни абстрактной идее приводит к трансформации мышления, в результате которой знание утрачивает связь с конкретным человеческим опытом и перестаёт выполнять ориентирующую и этическую функцию.

В платоновском мире власть утопии реализуется прежде всего через язык и формы рационального объяснения действительности. Именно язык, насыщенный идеологическими и псевдонаучными конструкциями, становится основным инструментом легитимации насилия, позволяя говорить о разрушении жизни как о необходимом историческом процессе. В этом смысле кризис утопии закономерно перерастает в кризис знания, а социальное подчинение человека дополняется эпистемологическим - утратой способности к подлинному пониманию мира и самого себя.

Данный сдвиг от социально-политического измерения утопии к проблеме знания и языка определяет логику дальнейшего анализа. Следующий раздел посвящён рассмотрению трагедии знания и непонимания в прозе Андрея Платонова и современном

кинематографе, где философская критика утопического сознания получает развитие в сфере мышления, речи и коммуникации.

Одной из наиболее глубоких и трагических тем в творчестве Андрея Платонова является проблема знания, тесно связанная с кризисом языка и невозможностью подлинного понимания. В отличие от классической философской традиции, где знание мыслится как путь к истине и освобождению, у Платонова знание нередко становится источником отчуждения, насилия и утраты человеческой целостности. Писатель показывает, что в условиях утопического мышления знание утрачивает гуманистическое содержание и превращается в инструмент абстрактного преобразования мира, не учитывающего живой человеческий опыт.

Платоновская проблематизация знания строится на радикальном сомнении в способности рационального мышления постичь реальность во всей её полноте. Его герои стремятся понять мир, объяснить его законы, найти смысл происходящего, однако их попытки почти всегда оказываются неудачными. Знание, которым они располагают, носит фрагментарный, искажённый и зачастую разрушительный характер. Оно не ведёт к прояснению, а, напротив, углубляет разрыв между человеком и жизнью.

В повести «Котлован» знание проявляется прежде всего в форме псевдонаучного и идеологического дискурса. Герои рассуждают о «классовом сознании», «исторической необходимости», «переустройстве жизни», не осознавая, что эти понятия не имеют прямой связи с их конкретным существованием. Язык знания здесь оторван от опыта и служит оправданием разрушения жизни. Платонов показывает, что абстрактное знание, не укоренённое в человеческом переживании, становится формой насилия.

Особое значение имеет образ инженера Прушевского, который воплощает трагедию рационального мышления, утратившего связь с этикой. Его техническое знание не спасает мир, а лишь усиливает ощущение бессмысленности происходящего. Прушевский понимает абсурдность строительства, но не способен остановить процесс. Знание не даёт ему силы для действия, превращаясь в форму беспомощного созерцания. Таким образом, Платонов демонстрирует пределы рационального знания в условиях утопического насилия [3; 97].

В романе «Чевенгур» проблема знания приобретает ещё более радикальный характер. Герои искренне убеждены, что обладают истинным знанием о мире и истории. Они считают себя носителями окончательной истины, что позволяет им оправдывать уничтожение «врагов» и отказ от самой жизни. Однако это знание оказывается пустым, поскольку оно не предполагает сомнения, диалога и внутренней рефлексии. Платонов

показывает, что знание, лишённое способности к самокритике, превращается в догму и становится источником катастрофы.

Трагедия платоновского знания неразрывно связана с кризисом языка. Язык у Платонова утрачивает способность выражать живой опыт и превращается в механический набор формул. Герои говорят много, но их речь лишена подлинного смысла. Слова перестают быть средством понимания и становятся препятствием на пути к нему. В этом заключается одна из ключевых философских интуиций Платонова: язык, оторванный от жизни, разрушает возможность человеческого общения.

Платонов сознательно искажает синтаксис, нарушает логические связи, использует семантически «бедные» конструкции, чтобы показать разрушение языкового сознания. Его художественный язык отражает состояние мира, в котором смысл распадается, а понимание становится невозможным. Человек говорит, но не слышит; слушает, но не понимает [1; 113]. Это состояние тотального непонимания становится фундаментальной характеристикой платоновской реальности.

Данная проблематика находит прямое продолжение в современном кинематографе, особенно в фильмах, ориентированных на философское и социальное осмысление реальности. Кино, как и проза Платонова, фиксирует кризис знания и языка, показывая, что информация, рациональность и научный прогресс не гарантируют понимания и гуманизма.

В творчестве Андрея Тарковского проблема знания занимает центральное место. В фильме «Сталкер» знание о Зоне оказывается принципиально непередаваемым. Ни научный анализ, ни логическое объяснение не способны раскрыть её сущность. Профессор и Писатель, обладающие разными типами знания, оказываются одинаково беспомощными перед тайные Зоны. Истина здесь не поддаётся рациональному освоению и требует внутренней трансформации, на которую герои не всегда готовы. Эта модель напрямую перекликается с платоновской критикой рационального знания.

В фильме «Солярис» Тарковского научное знание окончательно терпит поражение. Контакт с иным разумом не приводит к расширению понимания мира, а обнажает внутренние травмы и нравственные конфликты человека. Океан Соляриса не поддаётся рациональному объяснению, а попытки его познания приводят к утрате человеческого достоинства. Здесь знание выступает как форма вмешательства в жизнь, не имеющая этического основания, что полностью соответствует платоновскому пониманию трагедии знания.

Особое значение имеет проблема языка в фильмах Алексея Германа. В картинах «Мой друг Иван Лапшин» и «Хрусталив, машину!» речь персонажей фрагментарна,

сбивчива, насыщена повторами и недоговорённостями. Язык здесь не соединяет людей, а подчёркивает их отчуждение. Герман, подобно Платонову, использует разрушенный язык как средство философского анализа эпохи, в которой понимание оказывается невозможным.

В фильмах Александра Сокурова («Молох», «Телец», «Фауст») знание также предстает как источник разрушения. Герои, обладающие властью и интеллектуальным превосходством, оказываются неспособными к подлинному пониманию жизни. Их знание замкнуто на себе и не предполагает диалога с другим. Камера Сокурова фиксирует не величие разума, а его изоляцию и внутреннюю пустоту, что перекликается с платоновским образом человека, утратившего связь с миром.

Современный кинематограф продолжает развивать платоновскую тему трагедии непонимания через визуальные и звуковые средства. Молчание, паузы, неразборчивая речь, отсутствие прямых объяснений становятся важнейшими элементами философского высказывания. Зритель, как и герой, оказывается в ситуации неопределённости, вынужден самостоятельно искать смысл происходящего. Это роднит кино с платоновской прозой, где смысл никогда не даётся в готовом виде.

Особое внимание в кино уделяется фигуре человека, стремящегося к знанию, но не способного его вынести. Знание оказывается тяжёлым бременем, требующим ответственности и нравственного выбора. Герои, получившие доступ к истине, нередко переживают внутренний крах, что подчёркивает трагический характер познания. Этот мотив полностью соответствует платоновскому пониманию знания как опасного и двусмысленного процесса.

Таким образом, анализ прозы Андрея Платонова и современного кинематографа позволяет утверждать, что проблема знания и языка является одной из ключевых для философского осмысления XX–XXI веков. Знание, лишённое этического и антропологического основания, превращается в источник насилия и отчуждения. Язык, оторванный от жизни, утрачивает способность к пониманию и становится формой идеологического давления.

Платонов и режиссёры философского кино сходятся в одном принципиальном выводе: подлинное понимание невозможно без внутренней работы, сомнения и ответственности перед жизнью. Знание, не связанное с человеческим переживанием, разрушает человека, а не освобождает его. В этом заключается трагическая, но чрезвычайно актуальная философия Платонова, которая находит мощное продолжение в современном кинематографе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бальбуров, Э. Платонов А. и Пришвин М.: Две грани русского космизма / Э. Бальбуров // Роль традиции в литературной жизни эпохи. - Новосибирск : Институт филологии Сибирского отделения РАН, 1995. - С. 111 - 127.
2. Громова, М. И. Современная русская драматургия : учеб. пособ. / М. И. Громова. М. : Флинта, 2005. - 368 с.
3. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Лотман Ю.М. Об искусстве. - С.-Петербург: «Искусство - СПб», 1998. - С.313
4. Тихомирова И.И. Эстетическое воспитание школьников в библиотеке. Л., 1978.
5. Чалмаев В. А. Андрей Платонов. - М.: Советская Россия, 1978. - 176 с.